

Архиепископ Димитрий
(Самбикин)



*Делай благо,
бегая зло*

*Деятельность
свт. Митрофана на
Воронежской кафедре*

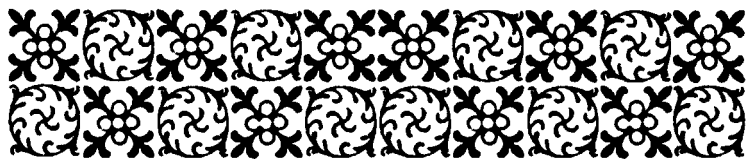


Одобрено Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Москва

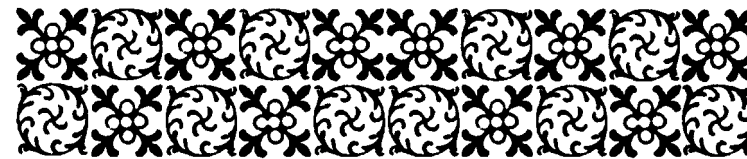


2003



СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	
Жизнь в миру и в монашестве	3
ГЛАВА 2	
Учреждение епархии в Воронеже для противодействия расколу	6
ГЛАВА 3	
Пребывание свт. Митрофана в Москве во время важных исторических событий	10
ГЛАВА 4	
Деятельность свт. Митрофана на Воронежской кафедре	20
ГЛАВА 5	
Деятельность Петра I в Воронеже	26
ГЛАВА 6	
Исповедничество и верность Государю	30
ГЛАВА 7	
Завещание и блаженная кончина	42



Глава 1

ЖИЗНЬ В МИРУ И В МОНАШЕСТВЕ

Сведения о свт. Митрофане, дошедшие до нас, крайне скудны. В основном, это его завещание и некоторые исторические документы той эпохи, так или иначе связанные с его именем*.

Родился святитель в 1623 году во Владимирской губернии, как сам он пишет в своем завещании, от благочестивых родителей, воспитавших его в истинном благочестии православной веры. По всей вероятности, он происходил из духовного сословия, поскольку в его синодике, главным образом, записаны только лица духовного звания. Во святом Крещении он был наречен Михаилом, в честь святого Архистратига Михаила. Поскольку празднество в честь небесного покровителя будущего святителя совершается 8 ноября (по старому стилю), можно предположить, что свт. Митрофан родился 8 ноября.

* В 1869 году на основании этих документов было издано «Жизнеописание свт. Митрофана, первого епископа Воронежского», составленное свящ. Дмитрием Самбикиным.

О детстве, юности и жизни Михаила в миру, до поступления его в монастырь, ничего не известно, кроме того, что он был женат и имел сына. По преданию, сын святителя также был священником.

Лишившись супруги, в 1663 году Михаил с именем Митрофана был пострижен в монашество в Золотниковской пустыни, находившейся во Владимирской епархии. Можно предположить, что Михаил всегда имел склонность к монашеской жизни и горел желанием совершенно удалиться от мира и всецело посвятить себя служению Богу. Неумолимое и беспрекословное выполнение монастырских послушаний, непрестанные молитвы, строгость поста — составляли его духовное услаждение. Митрофану так понравилась обитель, в которой он принял постриг, что он дал обет окончить в ней свою жизнь.

Но не судил Бог смиренному иноку долго пребывать в числе братии. Слава, как известно, преследует тех, кто ее избегает, и слух о строгом подвижничестве Митрофана достиг Яхромского Козминского монастыря, насельники которого, лишившись настоятеля, неотступно просили свое духовное начальство о назначении инока Золотниковской обители Митрофана их духовным отцом и руководителем. Покорный воле Божией, хотя и вопреки своему сердечному желанию и обету, в 1666 году будущий святитель был назначен Преосвященным Павлом, митрополитом Сарским и Подонским, игуменом Яхромской обители.

Десять лет игумен Митрофан был настоятелем этого монастыря. С самого начала он особен-

но заботился о церковном благолепии: приобрел для обители драгоценно украшенное, большого формата Евангелие; построил новый просторный храм во имя нерукотворного образа Всемиловитого Спаса.

В 1675 году Святейший Патриарх Иоаким, лично знавший игумена Митрофана как «мужа благоговейного и благодетельного», назначил его игуменом Макарьевского Желтоводского монастыря, тогда великого и знаменитого. Святитель Митрофан с особенной любовью заботился об устройении этой обители, глубоко уважая ее основателя — преподобного Макария. В нем будущий святитель видел образец истинного подвижника и любовь к нему засвидетельствовал тем, что перед смертью, принимая схиму, пожелал быть названным в честь этого подвижника Макарием.

Внутреннее благоустройство обители и внешнее ее благолепие были постоянными заботами игумена Митрофана. Он построил здесь новую каменную церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; украсил соборный Троицкий храм и храм прп. Макария иконами Спасителя, прп. Макария, св. Иоанна Предтечи, Успения Пресвятой Богородицы и Сошествия Святого Духа.

Патриарх Иоаким с любовью следил за деятельностью игумена Митрофана, видя в нем ревностного подвижника, попечительного настоятеля, опытного наставника, достигшего мудрости усердным чтением полезных книг. Он поручил его

надзору соседние обители и храмы для устройства в них благочестивого иноческого жития и для поддержания церковного благочиния и порядка.

По поручению Патриарха игумен Митрофан нередко посещал соседние обители и храмы Божии, особенно в пределах Галича. Он наставлял монашествующих и побуждал их к добродетельной жизни, водворял в обителях тишину, миром прекращая их судебные тяжбы с соседями за монастырские вотчины.

Макарьевский монастырь тогда был в особенном благоволении царского дома. Царь Федор Алексеевич любил посещать эту обитель и виделся с игуменом Митрофаном, который, безусловно, глубоко почитал и уважал своего Государя.

Глава 2

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕПАРХИИ В КОРОНЖЕ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКОЛУ

В середине XVII века у лучших русских людей, познакомившихся с образованностью и культурой Западной Европы, пробудилось стремление сблизиться с народами, обладавшими большими знаниями и развитыми ремеслами.

Сам Царь Федор Алексеевич, умный и образованный Государь, видел необходимость перемен в жизни России, а для осуществления их надо было учиться у иностранцев. Однако опасность

для веры при более тесном общении с западными народами была очевидна, и по совету Святейшего Патриарха и духовных властей русское правительство, в первую очередь, обратилось к опыту своих единомыслителей, православных малороссиян и греков.

При сближении Православных Церквей выявились некоторые разногласия, которые должна была устранить церковная реформа, проведенная при Патриархе Никоне и Царе Алексее Михайловиче. Но эти важные и благие начинания наткнулись на полное непонимание со стороны приверженцев старообрядчества, в результате чего возник раскол в самой Русской Православной Церкви.

По сути, раскол произошел во всем русском обществе, повсеместно развернулась борьба двух партий: приверженцев и противников перемен. Если сторонники обновления были порой слишком заносчивыми и нетерпеливыми, то, в свою очередь, люди старого времени и порядка проявляли свое невежество в упрямстве и упорстве, восставая против любых новшеств. В сближении с Западной Европой раскольники видели только сближение с еретиками и отступничество от дедовских обычаев; не понимая ни основ, ни догматов, ни духовного учения православной веры, они боялись потерять то единственное, что они знали и исполняли — обряды, в которых они видели смысл и сущность «древлего благочестия».

К сожалению, невежество и грубые нравы были тогда повсеместными на Руси, меры правительства и духовных властей, принимавшиеся еще

со времени Царя Алексея Михайловича против приверженцев старины, носили в основном принудительный характер и только усиливали раскол, вызывая упорное сопротивление со стороны наиболее непокорных и мятежных.

Ссылаемые правительством или убежавшие от преследований, раскольники заносили свои ложные мнения в дальние окраины Русского царства. Духовенство в те времена по своему образованию и нравам практически ничем не отличалось от невежественного народа и не могло противодействовать расколу. В 1681 году благочестивый Царь Федор Алексеевич и Святейший Патриарх Иоаким созвали в Москву всех российских иерархов и настоятелей наиболее известных монастырей, а также и тех, кто был известен святостью жизни. Игумен Митрофан наряду с другими был вызван в Москву для участия в соборном обсуждении церковных вопросов.

Для возвышения народной нравственности и для противодействия расколу собор по предложению Царя постановил назначить архиереев в отдаленные многолюдные города и с этой целью открыть там особые епархии, неподвластные митрополитам. Предложено было открыть новые епархии в Тобольске, в Холмогорах, в Устюге, в Тамбове и в Воронеже.

Собор признал необходимым учредить епархию в Воронеже, потому что многие из преследуемых правительством раскольников бежали именно на Дон, в вольные окраинные города. Так, опасаясь преследования от правительства, бежал на

Дон один из самых жарких ревнителей старины при Патриархе Никоне, известный расколуучитель Иов. Здесь, недалеко от города Чира, он основал свой монастырь, называвшийся Иовская пустынь.

Убегая от преследований правительства, ожесточенные раскольники нередко вели себя как обычные разбойники, нападая на русские поселения на Дону, грабя и сжигая дома, и даже уводя с собою людей в «полон». Часто для грабежа и разорения казачьих городков и придонских поселений раскольники соединялись с татарами, калмыками и другими инородцами. Ревнуя о «древнем благочестии», они, в сущности, подражали нравам самых диких народов, издавна враждебных христианству (это, в некоторой степени, объясняет достаточную строгость прежних мер правительства в борьбе с расколом).

По Государеву указу и по благословию Святейшего Патриарха епископом Воронежской епархии был назначен игумен Макарьевского монастыря Митрофан. Его хиротония состоялась в апреле 1681 года и проходила очень торжественно в Успенском соборе в присутствии большого числа архиереев и представителей власти; рукополагал его Иоаким, Патриарх Московский и всея Руси. По обычаю того времени, сам Царь принимал благословение от новопоставленного иерарха.

Уже упоминалось, что Царь Федор Алексеевич знал лично святителя Митрофана и глубоко уважал его за благочестивую и подвижническую жизнь.

Глава 3

ПРОВЫКАНИЕ СВТ. МИТРОФАНА В МОСКВУ ВО ВРЕМЯ ВАЖНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

По разным обстоятельствам святителю Митрофану со времени его назначения на епископскую кафедру и рукоположения долго пришлось жить в Москве и быть зрителем и участником важных событий того времени.

Царь Федор Алексеевич, овдовевший 14 июля 1681 года, по благословению Святейшего Патриарха, женился на Марфе Матвеевне Апраксиной. Святитель Митрофан вместе с другими архиереями и Святейшим Патриархом принимал участие в торжествах по этому поводу, разделяя общую радость и благословляя Царя и новую Царицу.

Венчание состоялось 15 февраля 1682 года, незадолго до начала Великого поста. В связи с этим празднование Пасхи 16 апреля в первопрестольной Москве проходило необычайно торжественно. Но вскоре после светлого праздника, 27 апреля, благочестивый, образованный и умный Государь, Царь Федор Алексеевич, скончался. Это была тяжелая утрата для России. На следующий день тело почившего великого Государя было торжественно перенесено в родовую усыпальницу русских Царей, Архангельский собор.

Во время траурной процессии уныло звонили все колокола. В течение сорока дней в Архангельском соборе служили заупокойные Литургии все

бывшие тогда в Москве иерархи. Святителю Митрофану по очереди пришлось служить 17 мая (в самый разгар стрелецкого бунта, о котором будет сказано ниже).

В день смерти Царя Федора Алексеевича бояре собрались в Кремле для обсуждения немаловажного вопроса, кому следует царствовать: детей у царя не осталось, но было два брата — Иоанн и Петр. Иоанн старший, но больной и неспособный к самостоятельному правлению; а Петр здоровый и даровитый, но еще ребенок.

Патриарх, присутствовавший в совете бояр, просил их совершить избрание Царя по правде, а не по страсти. Но страсти кипели. При московском дворе тогда было две партии: Нарышкиных и Милославских. Первая желала иметь Царем Петра (тогда Царицей была бы его мать, Великая Княгиня Наталья Кирилловна Нарышкина), а вторая, во главе которой стояла царица Софья Алексеевна, старшая сестра Царей, требовала избрать Иоанна (таким образом царица хотела отстранить свою мачеху от власти). Наконец, было решено утвердить избрание народным согласием.

Между тем во время боярского совета у дворца собралась огромная толпа народа. Патриарх обратился к народу с такой речью: «По избранию народному у нас был Царем Михаил Федорович, за ним Алексей Михайлович, а потом сын его Федор Алексеевич, который не оставил после себя детей, осталось же у Царя два брата, кому же из них царствовать — пусть решит народ». Несколько голосов, задобренных Милославски-

ми, требовали царем Иоанна, но их заглушили тысячи голосов в пользу Петра. «Один или с братом он должен царствовать?» — спрашивал Иоаким. «Да будет единый Царь!» — кричал народ.

Патриарх вошел во внутренние покои царские и благословил на царство юного Петра. В тот же день присягнула Петру вся Москва.

Но царевна Софья (в то время ей было 25 лет) и не думала сдаваться. Она потребовала от Патриарха, чтобы во имя закона возведен был на царство старший брат Иоанн. Патриарх отвечал, что избрание уже совершено. Казалось, трудно было оспорить законность царствования Петра, царского сына, избранного волею народа. Изменить что-либо мог только бунт.

И вот царевна Софья и Милославские стали распускать различные слухи и сплетни среди стрельцов, подготавливая почву. Утром 15 мая (в день памяти злодейского убиения царевича Дмитрия) раздался набат, к взволнованным стрельцам явился посол от Милославских с вестью, что царевич Иоанн убит. В это время слышали набат, раздававшийся в Кремле; по всей Москве уже был распространен слух о смерти Иоанна. Стрельцы поспешили в Кремль, требуя выдачи цареубийц — Нарышкиных.

Тогда Царица Наталья Кирилловна вывела на крыльцо перед народом обоих царевичей. Но стрельцы, уже определенным образом настроенные возмутителями, закричали: «Пусть молодой Царь отдаст корону старшему брату! Выдайте нам всех изменников! Выдайте Нарышкиных; мы

весь их корень истребим! Царица Наталья пусть идет в монастырь!»

Вышел к мятежникам и сам Патриарх, но его увещания не подействовали. Раскольники-стрельцы закричали ему: «Не требуем совета ни от кого; пришло нам время разобрать: кто нам надобен!» Никто и ничто не могло остановить их, начались зверские убийства и расправы над неугодными боярами, продолжавшиеся около двух дней не только в Кремле, но и по всей Москве.

Царевна Софья, как бы желая прекратить бесчинства, призвала к себе выборных стрельцов и задобрила их щедрыми обещаниями, предлагая и деньги, и почет. Кроме того, она сделала их начальником преданного ей князя Хованского, которого стрельцы, как упорного раскольника, очень любили.

В ответ на такие милости выборные стрельцы во главе с Хованским принесли царевне челобитную, написанную не только от имени стрельцов, но и от «многих чинов Московского государства», в которой заявлялось желание, чтобы на престоле царствовали оба брата, а в заключении челобитной было сказано, что если кто тому воспротивится, то стрельцы опять придут с оружием и будет «немалый мятеж». Софья передала эту просьбу боярской думе.

Дума боярская согласилась. Через несколько дней, 29 мая, стрельцы подали боярам новую челобитную, чтобы, по молодости обоих Государей, правление было вручено царевне Софье Алексеевне. Таким образом, царевна Софья, с титулом

соправительницы, стала полноправно заправлять всеми внутренними делами.

Стрелецкий бунт, окончившийся полным торжеством и безнаказанностью мятежников, расшатал все устои. Раскольники, прежде прятавшиеся и скрывавшиеся, подняли голову и стали открыто расхаживать по Москве и проповедовать. Сам Хованский, прежде втайне державшийся старообрядчества, теперь заявил себя явно сторонником «старой веры». Уже через несколько дней после бунта раскольники решили требовать восстановления своей мнимой веры.

Стрельцы одного из полков, собравшись на сходку, вознамерились составить челобитную государям против Патриарха и просить восстановления «старой веры». С этой целью начали искать в своем полку людей, которые могли бы составить такую челобитную и выступить перед духовными властями в защиту своей веры, но не нашли никого. Тогда начали искать и среди посадских людей, наконец нашли в Гончарной слободе троих самых ревностных поборников мнимо-древней церкви, одним из которых был Савва Романов.

Непостижимы судьбы Божии. В прошлом Савва был келейником у игумена Желтоводского Макарьевского монастыря, т.е. будущего святителя Митрофана, а потом, неизвестно почему, оставил свой монастырь и приписался к московским чернослободцам. Можно представить, сколько скорби испытал святитель, видя одного из когда-то приближенных к нему людей рьяным поборником старообрядчества, ярым участником бунта

буйной, своевольной толпы. И, может быть, святитель Митрофан по своей благочестивой ревности к славе Божией и по миролюбивому настроению души своей не раз в это время вразумлял заблуждающихся, на что указывают слова 2-го икоса в акафисте святителю («Разумом просвещенным свыше вразумляя заблуждших, поборник был еси истинной Христовой Церкви»).

Вероятно, Савва принимал самое деятельное участие в составлении челобитной, с которой, будто бы от лица всех полков и чернослободцев, раскольники явились к Хованскому. Стрелецкие выборные стали просить князя, чтобы он устроил для них на Лобном месте перед всем народом или в Кремле у Красного крыльца собор, на котором присутствовали бы Цари, Царица Наталья Кирилловна и Патриарх с архиереями, и чтобы этот собор был назначен на пятницу, 23 июня, до венчания Царей.

Напрасно Хованский убеждал их, что в этот день собор созвать нельзя, потому что на воскресенье назначено коронование Государей. Ему отвечали: «Нам того-то и хочется, чтоб Цари-Государь венчались царскими венцами в истинной православной вере, а не в латинско-римской».

В назначенный ими день в семь часов утра они явились к Красному крыльцу, им сопутствовало множество народа. Расстриженный поп Никита с крестом, инок Сергей с Евангелием предшествовали им. Хованский, как будто не зная, в чем дело, спросил их: «Зачем пришли вы, честные отцы?» Никита отвечал: «Мы пришли сюда бить

челом великим Государям, чтобы они повелели Патриарху и властям служить по старым книгам; если же Патриарх не изволит служить по старым книгам, то пусть повелят ему дать нам праведный ответ, чем ему старые книги не нравятся». Хованский взял от них челобитную, пошел во дворец и, воротившись, сказал: «Против этой челобитной будет дело недели на три, чтобы все книги просмотреть; Патриарх упросил Государей отложить это дело до среды. В среду после обеда приходите сюда снова».

Среди этих смут настало 25 июня, день священного венчания на царство благочестивых Царей Иоанна и Петра Алексеевичей. Святитель Митрофан по сану своему участвовал в этом церковном торжестве. Он вместе с другими на золотом блюде подносил Патриарху державу для вручения ее царям.

Несчастные же раскольники, раздосадованные, что не удалось повенчать Царей по-старому, продолжали неистовствовать. Они ходили по улицам, по рынкам и везде проповедовали: «Постойте, православные, стойте за истинную веру; ныне нет истинной церкви на земле ни в Греции, ни в России, ни в других странах; только мы еще держим истинную веру». И нося с собой старые иконы, старые книги и разные тетради, в которых говорилось, будто бы настает уже конец мира, увлекали за собой толпы невежественного народа.

В назначенный день, в среду 28 июня, расколоучители имели прение с Патриархом и епископами в Патриаршей крестовой палате. Услы-

шав наглые требования мятежников, Патриарх начал кротко убеждать их, что они, как миряне, не имеют права судить своих архиереев и, как не искусные в вере, не должны сами мудрствовать о ней, а обязаны повиноваться законным пастырям. От имени раскольников Павел Данилов, Савва Романов и Павел Захаров друг за другом говорили собору самые дерзкие речи, и прение кончилось тем, что Патриарх для успокоения мятежников назначил собор на следующую среду, и они удалились.

Настало 5 июля, день соборного прения о вере. Предводители раскола в 6 часов утра, отслужив молебен, взяв с собою Евангелие, крест, старые иконы и старые книги, с зажженными свечами отправились в Кремль в сопровождении множества стрельцов и народа. Войдя в Кремль, близ Архангельского собора перед царскими палатами расставили аналои, положили на них крест, Евангелие и иконы, зажгли перед ними свечи. А поп Никита и его товарищи, встав на бочки и скамьи, начали читать свои тетради народу, убеждали всех постоять за старую веру.

В это время Патриарх с архиереями (в числе которых был и святитель Митрофан) и со всем московским духовенством при многочисленном стечении народа служили молебен, а затем и Литургию в Успенском соборе. Шум толпы на площади был настолько силен, что заглушал чтение и пение. Патриарх выслал к мятежникам одного протоиерея прочесть им составленное самим Патриархом поучение, в котором Никита обличался в

вероломстве, но стрельцы едва не убили этого священника, к тому же из-за шума совершенно не было слышно, что читалось.

По окончании богослужения Патриарх со всеми архиереями и духовенством удалился в крестовую палату. Хованский несколько раз посылал к нему, чтобы он шел на площадь для состязания в вере. Но Патриарх, боясь, чтобы его не убили, на что раскольники были вполне готовы, не согласился и сказал: «Пусть для этого приходят раскольники в Грановитую палату, где будет присутствовать и царское семейство».

Затем Патриарх велел взять древние рукописные книги, чтобы показать их народу, и с этими книгами через Красное крыльцо, на глазах у толпы, из крестовой палаты в Грановитую отправились архиепископ Холмогорский Афанасий, Воронежский святитель Митрофан и Тамбовский епископ Леонтий с духовенством; сам же Патриарх с прочими архиереями пошел туда по лестнице, находившейся внутри палат.

Расколоучители, чувствуя себя сильнее на площади среди буйной черни и боясь справедливого наказания за свои бесчинства, долго не хотели идти в Грановитую палату. Наконец, заручившись поддержкой Хованского, взяв крест, Евангелие, книги с аналоями и скамьями, отправились к Красному крыльцу и с великим бесчинием, криком и буйством вошли во дворец. Их дерзость и наглость были возмутительны, но Патриарх и Холмогорский архиепископ Афанасий пытались кротко ответить на их вопросы.

Вдруг Никита замахнулся рукой на Преосвященного Афанасия и закричал: «Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не с тобою говорю, а со Святейшим Патриархом». Царевна Софья была глубоко возмущена наглостью Никиты, обличила его в вероломстве (ибо он когда-то клялся перед церковным собором не подавать челобитную в защиту старообрядчества) и повелела молчать. По прочтении челобитной Патриарх начал опять увещевать мятежников и показывать ложность их мнений, зачитывая вслух нелепые ошибки и опечатки, содержащиеся в старых книгах.

Не зная, что отвечать, Никита выругался, а другие только подымали вверх руки, показывая двуперстное сложение, и долго и неистово кричали: «Вот как, вот как должно креститься!» Когда настал вечер, мятежников заставили удалиться. Выйдя из палаты, расколоучители все еще махали руками и кричали, поднимая два сложенных пальца вверх: «Победихом, победихом... Мы всех архиереев препрехом и посрамихом. Вот как веруйте». Некоторое время расколоучители задержались на Лобном месте, чтобы «поучать» народ.

Царевна Софья, потрясенная ожесточенным упорством и наглостью расколоучителей, стала решительно бороться с расколом. Впоследствии она расправится с бунтарями и казнит даже Хованского, но для начала она призвала к себе выборных стрельцов и всячески убеждала их не поддерживать расколоучителей, а рядовым, которые восстали бы против выборных, как против изменников, приказала объявить: «Цари-Государи жалуют вас

погребом, на десять человек по ушату пива и меду». Расколуучителей по приказу Софьи схватили, Никите отрубили голову на площади, а его товарищей отправили в ссылку. Таким образом, смуты утихли, и архипастыри теперь могли возвратиться на свои кафедры.

Глава 4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВТ. МИТРОФАНА НА ВОРОНЕЖСКОЙ КАФЕДРЕ

Воронежская паства в первый раз увидела своего архипастыря не ранее августа 1682 года. Здесь уместно сказать несколько слов о древних обычаях, которые соблюдались новопоставленными архиереями во времена святителя Митрофана. Во-первых, достигнув своего епархиального города, архиереи останавливались в ближайшей от города церкви. Здесь городское духовенство впервые встречало своего архипастыря, и уже из этой церкви, в сопровождении всего духовенства и многочисленного народа, Преосвященный шествовал в крестном ходе при колокольном звоне у всех церквей в кафедральный собор и, по вступлении в него, служил первую Литургию.

Во-вторых, был обычай после первой Литургии в кафедральном соборе и благодарственного молебна с водоосвящением совершать крестный ход вокруг города. В тот же день или на другой новоприбывший архипастырь отправлял на-

рочных в Москву с благодарной запиской к Царю, причем по древнему обычаю вместе с ней были посылаемы для поднесения всем членам царского семейства освященные на первом архиерейском служении просфоры, святая вода и храмовые иконы кафедрального собора.

Надо полагать, что все эти обычаи были соблюдены и свт. Митрофаном. Однако Воронеж прежде никогда не имел епископской кафедры. Тяжело было ревнителю церковного благолепия увидеть свой кафедральный собор, который сильно обветшал, крыша от ветхости почти сгнила, и в соборе нередко бывала течь, помосты церковные были полуразрушены.

Кроме того, собор был окружен кружечным двором (главным местом питейных сборов, вероятно, здесь же был и питейный дом), тюремной избой вместе с местом для наказания преступников и другими подобными зданиями. Да и сам город находился в жалком, убогом состоянии. Вот как он был описан в 1670 году: «Городские стены во многих местах сгнили от дождевой воды, повалились или покосились, кровля на башнях сгнила, мосты опали, и около города ров осыпался». До приезда первосвятителя не было приличного для него помещения, и любителю безмолвия и уединения пришлось на первый раз приютиться со своей свитой на постоялых дворах.

Первым делом святитель приступил к постройке нового каменного величественного храма. В течение двадцати лет своего пребывания на Воронежской кафедре святитель Митрофан не только

успел построить огромный собор, но на свои келейные деньги устроил богатую ризницу, приобрел дорогие сосуды, большое Евангелие, плащаницу и все необходимое.

Но не столько смущали святителя скудость его епархии и бедность кафедрального собора, сколько распущенность его паствы в нравственно-религиозном отношении. В Воронежском крае резче, чем где-либо в другом месте, обнаруживалась грубость нравов и испорченность человеческой природы. Нередко здесь совершались ужаснейшие, варварские злодеяния. И неудивительно: этот край, в то время только населявшийся, был местом ссылки для государственных преступников; сюда, на окраину Русского царства, нередко убегали из Москвы все те, кому угрожало заслуженное наказание.

Раскольники толпами отправлялись в привольные донские степи и леса, заселяя пустынные, необжитые места целыми колониями (например, на реке Медведице ими был основан город Кузьмин; во главе кузьминцев, промышлявших разбоем, находился раскольник Кузьма, называвший себя Папою). На Дону находили себе безопасный приют холопы и рабы, бежавшие от своих помещиков.

Сюда приходили беглые служилые люди, не желавшие подчиняться приказам начальства или уклонявшиеся от своих обязанностей. Бездомные и бессемейные, постоянно находившиеся под страхом поимки и наказания за свои преступления, подобные беглецы часто укрывались в лесах и степях вблизи городов и селений и занимались

грабежом, составляя разбойничьи шайки. Нередко возникали стихийные бунты, принимавшие страшные размеры.

Духовенство состояло из людей малообразованных или почти неграмотных; многие из простого народа становились священниками не по призванию, а ради куска хлеба. Пьянство, ссоры, драки, нецензурная брань, самоуправство, сочувствие расколу, суеверие — словом, самые грубые пороки и безнравственные поступки — вот с чем столкнулся святитель, разбирая подобные дела в архиерейском судном духовном приказе.

По указу Великих Государей суд и даже расследование дел по иску или обвинению священнослужителей и монашествующих должны были производиться только в архиерейских приказах. С огромным смирением и терпением разбирал святитель подобные дела, но распущенность епархиального духовенства была настолько велика, и так часто бывали случаи, приводившие в архиерейский судный приказ духовных лиц по важным преступлениям против веры и нравственности, что святитель не мог и не имел времени лично вникать в каждое подобное дело и принужден был отсылать, вероятно, наиболее виновных в судную избу для учинения там над ними наказания.

Однако, отсылая в гражданский суд лиц духовного звания, уличенных в преступлениях, святитель не лишал их сана и не исключал из духовного звания. Это дошло до сведения Патриарха, вследствие чего в 1683 году он прислал святителю грамоту, т. е. послание, с выговором и наставлениями,

как должно поступать в подобных случаях. Без всяких сомнений, свт. Митрофан исполнил все указания Святейшего Патриарха, которого искренне уважал и глубоко почитал.

Среди других многочисленных и разнообразных дел, подлежащих ведению и расследованию в приказе Духовных дел, святителю Митрофану приходилось заниматься розысками беглых попов-раскольников (их число в Воронежском крае резко умножилось после указа 1682 года, который предписывал всем архиереям повсеместно разыскивать и представлять суду объявившихся раскольников), бракоразводными скандалами, иметь судные тяжбы с разными лицами за право владения праздными угодьями и вотчинами, пожертвованными в разное время святителю Государем.

Но особенно тяжело было святителю от своелюбия казаков, к которым правительство относилось крайне снисходительно и на вольности их смотрело сквозь пальцы. Казаки не выдавали из своей среды виновных, которых нужно было представить на епископский суд, и безнаказанно притесняли всех, кто не мог постоять за себя, даже монахинь, и святитель не мог ничего с ними сделать, разве только написать жалобу Государю в особо тяжелых случаях.

Новооткрытая Воронежская епархия была окраиной Русского царства. Города и села, возникшие в ней, назывались украинскими (т.е. крайними, пограничными) и польными (т.е. сопридельными к обширным незаселенным степям и пу-

стым полям). За пределами же Воронежа была уже татарская земля, и татары, ногаи и другие инородцы толпами нападали на русских поселян и грабили их. Опасность со стороны этих врагов была настолько велика, что без оружия нельзя было выйти за городской вал.

Татары пользовались малейшею неосторожностью жителей окраины и появлялись то в ближайших к русским поселениям степях, то в лесах и кустах, то на курганах, осматривая близлежащую местность. Иногда они, пользуясь ночной темнотой, прорывались за городские укрепления. Часто они угоняли конские и другие стада, пасшиеся вблизи города, кололи неосторожных и безоружных жителей, отправлявшихся по степям и по берегам рек в ближайшие места для своих промыслов; брали целыми толпами пленников и, ограбив их донага, снова отпускали, порой разоряли и целые русские поселения.

Как велика была опасность со стороны татар, можно видеть из грамоты святителя Митрофана. На второй год по прибытии своем в епархию он намеревался по правилу Святых Апостолов и Святых Отцов на праздник Происхождения Честного Древа (1-го августа) совершить крестный ход со святыми иконами из города на источник для освящения воды и вынужден был «для охранения града и всяких чинов людей от прихода неприятельских людей» просить воеводу, чтобы он велел воронежским стрельцам быть с ружьями, «чтобы под градом Воронежем от неприятельских людей худа какого не учинилось».

Глава 5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРА I В ВОРОНЕЖЕ

В первые годы государственной деятельности Петра I Воронеж занимал важное место, и история его тесно связана с жизнью великого преобразователя. Чтобы сблизить Россию с образованной Европой, Петру необходимо было иметь «путь незаградимый», и Государь обратил свое внимание на Азовское и Черное моря.

Взять Азов, находившийся при Азовском море, объявить туркам войну советовал Петру любимец его Лефортов. Вооружиться против турецкого султана, притеснявшего православных греков, просили русского Царя и восточные Патриархи (особенно Иерусалимский Досифей). Поэтому-то все думы Петра сосредоточились на покорении Азова, в то время укрепленного турецкого города, чтобы здесь твердой ногой встать для дальнейших побед. И хотя поход 1695 года под Азов был неудачным, задушевное желание Петра — овладеть Азовским морем — все более усиливалось.

Следствием первого похода на Крым, во время которого был произведен непосредственный осмотр придонской местности, был указ Петра приготовить для второго похода 1300 стругов*, 300 лодок и 100 плотов в лесных местах, ближайших к Дону, Воронежу и другим городам.

* Речное судно, гребное и парусное.

29 января 1696 г. умер старший брат Петра, разделявший с ним управление государством, Иван Алексеевич. Среди приготовлений к Азовскому походу Петр и сам сильно занемог в Москве. Но ни телесный недуг, ни душевная скорбь о своей матери и брате не могли ослабить его неутомимой деятельности. В весеннюю распутицу, с больной ногой, в сопровождении небольшой свиты отправился Петр из Москвы в Воронеж, где ожидал его стольник Титов с заготовленными лесными припасами.

По приезде в Воронеж в середине марта Петр забыл все свои недуги и немедленно принялся за работу. Повелевая боярину Т. Стрешневу выслать как можно скорее из Усманской засеки на весну ясеневые бревна, Царь в заключении письма писал: «А мы, по приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой».

На луговой стороне Воронежа по чертежам и размерам самого Петра заложено было до 30 военных судов, которые назывались галеасами, галерами, катерами и брандерами. Дни и ночи Царь проводил на верфи — то с циркулем, то с топором в руке. Самая легкая галера «Principium» была делом его рук.

Среди трудов Государь нередко присутствовал при церковном богослужении, а особенно в великие праздники.

В будничные дни Государь без усталости работал на кораблях и сам следил за работающими, при его бдительном надзоре строение судов шло успешно. В это время Петр жил в Успенской слободе,

в шатре, т. е. небольшом домике, наскоро устроенном. Домик этот состоял из двух горниц с сенями и крыльцом. Близ него была баня и поварня.

Без сомнения, святитель не раз посещал царственного труженика и в часы досуга беседовал с ним. Один из ораторов последующего времени в речи своей представляет современную Петру картину Воронежа, спрашивая: «Но кто сей муж, стоящий на возвышении холма вместе с угодником Божиим, святителем Митрофаном? Кто сей муж величественного роста? Лицо его кругло, несколько смугловато; он имеет черные волосы, большие черные глаза, густые брови; он говорит отрывисто, изъясняется коротко; румянец выступил на бледном лице его, и одна мысль быстро сменяет другую. Он исчисляет святителю те выгоды, ту славу, которые флот его может доставить России — но вместе с тем просит для успеха в своих предприятиях его святых молитв и сильного предстательства у Бога» (Речь Н. М. Савостьянова на публичном акте воронежской гимназии 1834 года).

И святитель, как ревностный патриот, принимал живейшее участие в великих предприятиях Петра, благословлял его труды своей молитвой и, по возможности, содействовал успешнейшему построению кораблей своими пожертвованиями.

Таким образом, для похода под Азов вскоре был построен «флот», состоявший из двух кораблей, 23 галер и 4 брандер. Светлая неделя Пасхи для Петра была особенно праздничной. Он имел удовольствие видеть флот достроенным и готовым к походу. Спуск кораблей на воду был для него

большим праздником. На зрелище спуска кораблей Государь имел обыкновение приглашать духовные власти, бояр и знатных людей, и святитель наслаждался зрелищем спуска кораблей и молитвою освящал их на «одоление чрез них супостатов».

3 мая флот отправился из Воронежа по рекам Воронежу и Дону под Азов. Впереди, начальствуя галерами, плыл капитан Петр Алексеев на галере «Principium». Второй поход под Азов был удачен. 18-го июля того же 1696 года Азов был взят. С восторженной радостью Государь извещал своих «компанейцев» о победе над турками. В августе пришла и в Воронеж к воеводе Савину Семену Горчакову царская грамота о победе: «И как к тебе сия Наша, — писал Петр, — Великого Государя, грамота придет, то ты на Воронеже Преосвященному Митрофану о том объяви, чтобы он, Преосвященный Митрофан, епископ Воронежских монастырей, со архимандритами, и игуменами, и с протопопом, и со освященным чином учинил на Воронеже в соборной церкви молебное благодарственное пение; и на молебном пении молили в Троице славимого Господа Бога о нашем государевом многолетнем здравии, и что милостью Всесильного Господа Бога наши, Великого Государя, ратные люди турский град Азов взяли и врагов Креста Святого, бусурман, славно победили, и воздали за такое дивное дело, по святой Его, Всещедрого Господа Бога, воле к роду христианскому соделавшееся, хвалу благодарственно».

30 сентября был торжественный вход победителей: Лефорта, Шеина и капитана Петра Алексе-

вича (Царя) со всеми полками в Москву, а 20 октября на собрании у Государя в Преображенском определено было: «Перевести в Азов 300 семейств из низовых городов, а для отражения от Азова татар и турок и для удобнейшего ведения войн с неприятелями, увеличить флот, а посему было приговорено: корабли сделать со всею готовностью, и с пушками, и с мелким ружьем, как им быть в войне; а делать компаниями так: Святейшему Патриарху и духовным властям и монастырям с 8000 крестьянских дворов — корабль. С бояр и со всех чинов служилых людей с 10 000 крестьянских дворов — корабль», и прочее.

Вследствие этого постановления духовные землевладельцы составили семнадцать отдельных компаний, а светские восемнадцать. Из архиереев самым ревностным патриотом и радетелем за пользу Отечества оказался святитель Митрофан. При скудости доходов в беднейшей в то время епархии святитель вручал Петру I лично для государственных нужд значительные суммы, а в отсутствие Государя он отсылал остаток своих денег в адмиралтейское казначейство с пометкой: «на ратных».

Глава 6 ИСПОВЕДНИЧЕСТВО И ВЕРНОСТЬ ГОСУДАРЮ

В марте 1697 года Петр отправился путешествовать за границу, а 25 августа 1698 года он из Вены возвратился в Москву для усмире-

ния стрельцкого бунта. Печальные события в Москве долго держали Петра в сильном раздражении. В бунте стрельцов Петр видел противодействие его преобразованиям со стороны приверженцев старины.

Стрельцы, по его мнению, были только застрельщиками, вооруженной силой, за которой стоит масса людей, противящихся преобразованиям, противящихся всему тому, в чем видел смысл своей деятельности сам Петр. А к таким людям относятся люди с бородами и длиннополыми кафтанами. Вот почему Петр в первый же день своего приезда в Москву собственноручно обрил бороды некоторым знатным вельможам и тогда же раздал указ «о брадобритии» с угрозой наказания и денежного штрафа неподчиняющимся*.

Расправившись со стрельцами, Государь 23 октября 1698 года отправился в Воронеж. Картина, которая представилась Петру по приезде в Воронеж, была в его вкусе. Река была покрыта множеством судов, больших и малых, построенных в отсутствие Царя; не менее 20 кораблей датского, голландского и венецианского стиля были готовы к походу.

На луговой стороне Воронежа, близ города, сооружено было адмиралтейство с царскими хоромы и обширными складами, которые были наполнены корабельными припасами, военными снарядами и орудиями. Английские корабельные мастера и голландские моряки, капитаны, штурманы,

* Указы Петра Великого, 1696—1700.

матросы, нанятые в Лондоне и Амстердаме, к великому удовольствию Петра, были уже в Воронеже. В это же время прибыли к Петру в Воронеж возвратившиеся из-за границы лучшие из русских учеников морского дела — Скляев и Верещагин, прибытия которых Государь ожидал с нетерпением.

Но при всем том печальные московские события наводили на Петра мрачные подозрения и сомнения, как видно из его письма к А. А. Виниусу: «Мы, слава Богу, в изрядном состоянии нашли флот. Только еще облако сумнения закрывает мысль нашу, да не укоснеет сей плод, яко фиников, которого насаждающие не получают». А чтобы «облак сумнения» прогнать, нужно уменьшить число бородачей и облечь их в немецкие кафтаны, чтобы они не были «супротивниками» его сподвижников-немцев в деле преобразования. И, по всей вероятности, к этому времени нужно отнести факт бритья бород Петром у знатнейших жителей Воронежа.

Неудовольствие Петра можно также объяснить злонамеренными слухами о его смерти, которые во время его пребывания за границей достигли как Москвы, так и Воронежа. Очевидно, что их распускали люди, явно недовольные и рассматривавшие всю деятельность Петра всего лишь как какое-то досадное недоразумение, которое вполне устранится со смертью преобразователя.

Во время своего очередного пребывания в Воронеже Петр опять строил корабли и неутомимо работал. Святитель Митрофан, без сомнения, знавший о прибытии в Воронеж Петра, как усерд-

нейший подданный его, с молитвенным благословением встречал своего Государя, который, в свою очередь, в каждый свой приезд в Воронеж прежде всего заезжал к уважаемому им святителю.

Осмотрев работы на верфи, где много было иностранцев, заправлявших кораблестроением, и дав им нужные советы, Петр отправился в Белгород, а оттуда в Азов и вскоре снова воротился в Воронеж. Из Воронежа он почти ежедневно посылал в Москву курьеров, чтобы узнавать о состоянии здоровья больного своего любимца Лефорта. Первого марта 1699 года Лефорт умер. Получив известие о смерти своего любимца, Петр в тот же день на почтовых отправился для его погребения в Москву, куда прибыл через два дня. После погребения Лефорта Петр снова отправился в Воронеж со многими знатными особами.

От 13 марта 1699 года уцелело письмо святителя Митрофана острогожскому полковнику Ф. И. Куколю. Из него видно, как святитель рад был свиданию с Великим своим Государем: «Приходит праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, а на Воронеже соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Пожалуй, Федор Иванович, к такому честному празднику и ради пришествия Великого Государя прикажи промыслить свеженького осетра, да белужины свежей, или хотя малосольной. А у нас в Воронеже взять и сомины негде».

Государь присутствовал в соборной церкви на празднике и в знак своего особенного благоволения к святителю Митрофану, во время самой

Литургии, подарил Архиерейскому дому Донцинскую пустынь, находившуюся в Задонском уезде. В первый день Пасхи (9-го апреля), во время часов перед Литургией, Государь еще пожертвовал Архиерейскому дому в безоборочное владение мельницу на реке Сосне в городе Острогжске.

Петр в 1699 году прибыл в Воронеж со многими знатными особами. В числе этих особ были генерал-адмирал Федор Алексеевич Апраксин, заступивший место Лефорта, Я. В. Брюс, Крейц (Крейцу поручено было под непосредственным надзором самого Государя составить карту Азовского моря) и другие.

Впоследствии, во время пребывания Петра (в апреле), прибыли думный дьяк Емельян Украинцев, Чередеев и другие, которые были назначены Петром послами в Константинополь для заключения перемирия с турками, так как Петр, по приглашению польского и саксонского королей, решился вступить с ними в союз против Швеции, а для успешнейшего ведения этой северной войны, дававшей надежду утвердить свое господство на Балтийском море, которое представляло несравненно большие выгоды, чем Черное, — нужно было поспешить с заключением мира с Турцией, чтобы в одно время не вести двух войн в противоположных местах.

Чтобы выгоднее заключить мир с турками, Петр отправил своего посланника на русском военном корабле. При этом Петр захотел показать туркам и крымчанам, чтобы представить им опасность войны с ним, весь русский флот и на всякий

случай узнать путь к заветной Керчи; с этою целью сам Царь отправился провожать послов. Из Воронежа отправились водою до Азова. Из Азова в Таганрог, где в двух милях от города дожидался их сорокапушечный корабль «Крепость». От Таганрога до Керчи посланники шли Азовским морем в государственном морском корабельном и галерном караване (т. е. флоте), над которым предводителем был Ф. А. Апраксин; командиром же на корабле «Апостол Петр» был сам Государь; в караване кроме «Крепости» было девять кораблей, две галеры, яхта, два галиота, три бригандира и четыре морских казацких струга.

Так как Петр для большей торжественности нередко имел обыкновение приглашать с собою на морские плавания и уважаемых им архиереев, можно предположить или хотя бы поставить вопрос: не участвовал ли в этом путешествии Царя и святитель Митрофан? Если нередко Петр отправлялся на Белое море с Холмогорским архиепископом Афанасием, на Азовское море — с преемником святителя Митрофана, Преосвященным Арсением I и другими, то такой вопрос вполне правомерен.

Путешествие это было довольно продолжительно, из него Петр возвратился снова в Воронеж, а отсюда в Москву. «Мы здесь в 18-й день августа, — писал Петр I из Москвы в Воронеж Ф. А. Апраксину, — объявили мир с турками преизрядным фейерверком, в 19-й день объявили войну против шведов. Война объявилась за многие неправды шведскаго короля».

Осенью того же года Государь опять прибыл в Воронеж и заложил новый военный корабль; 29 ноября поехал в Белгород, а отсюда в Азов. Близ Таганрога делали при нем «экзерцицию» новопостроенные в Воронеже корабли и галеры. После того он опять возвратился в Воронеж. Во время пребывания своего в Воронеже Государь занимался обучением присланных 6000 рекрутов и упражнялся в кораблестроении. Затем в конце года поспешил к Рождественским Святкам в Москву и там 20 декабря Петр приказал с января будущего 1700 года начать новое европейское летоисчисление (т. е. вести летоисчисление не от сотворения мира, как прежде было повсеместно в России, а от Рождества Христова).

В этом году, вероятно, Петр, последовав обычаю иноземцев, приказал украсить изваяниями языческих богов новоустроенное им здание для разных потреб при кораблестроении, находившееся на острове реки Воронежа, где строились морские суда. Государь, имея надобность по какому-то делу видеться со святителем Митрофаном, послал просить его к себе.

Святитель пешком отправился туда и, перейдя через мост, когда уже приблизился к воротам адмиралтейства, увидел над воротами здания и во дворе расставленные статуи языческих богов, из которых некоторые были представлены в нескромной наготе. Увидев такие соблазнительные статуи, святитель отвернулся и поспешно ушел домой. Об этом донесено было Государю, и тот, не понимая причины такого странного поступка,

послал к Преосвященному спросить о чем-то и вторично звать его к себе.

Святитель отвечал царскому посланнику: «Доколе Государь не повелит низвергнуть идолов, соблазняющих весь народ, он (святитель) не может войти в его двор». Петр, не любивший противоречия себе, получив от святителя такой свободный и смелый ответ, при своей вспыльчивости, разгневался на святителя и в третий раз послал к нему с угрозой, что если архиерей немедленно не исполнит его воли, то, как преступник царского повеления, подвергнется смертной казни.

«Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение (Флп. 1, 21), — спокойно отвечал безбоязненный архипастырь. — Тело мое в царских руках, и он властен умертвить оное, а на душу мою никакая человеческая власть не простирается, но неприлично православному Государю ставить языческих болванов и тем соблазнять простые сердца. Итак, лучше мне умереть, нежели боязливым молчанием, ради человекоугодия, изъявить как бы соизволение свое на нечестивое взирание на языческих богов, на поставление и хранение с честью на видном месте их кумиров, что является соблазном для младенствующего простого народа».

И затем, полагая царское определение о смерти неизменным, святитель начал приготавливаться к переходу из этой временной жизни; для этого он повелел в соборной своей церкви в самый большой колокол благовестить ко всеобщему бдению. Услышав такой внезапный блавест, Государь спросил: «Какой завтра праздник?»

Ему отвечали, что нет никакого. Петр послал спросить святителя о причине благовеста, и тот отвечал: «Мне, как преступнику, словом царским изречена казнь смертная, и того ради я, приготавливаясь к смерти, спешу принести Господу Богу соборное с церковью о грехах моих моление».

Удивился Государь такой по благочестию ревности святителя, уступил его непоколебимой в православии твердости, повелел уничтожить соблазнительные изваяния и поспешил успокоить праведника объявлением, что он прощает его, и приказал не тревожить народ необыкновенным звоном. Услышав об этом, святитель немедленно пришел к Государю принести ему благодарение за сохранение его жизни и за истребление соблазнительных статуй. После этого случая Петр еще больше стал уважать и любить святителя, кроме того, он был глубоко благодарен ему за его патриотические пожертвования на государственные нужды.

Снаряжение и фуражировка своих полков на войну, снабжение деньгами союзников истощили царскую казну, так что из-за огромных расходов на войну могла произойти остановка в постройке кораблей на Воронежской верфи, и Воронежское адмиралтейство крайне нуждалось в деньгах для поспешного вооружения кораблей.

Узнав об этом, святитель Митрофан немедленно прислал в адмиралтейство из своей домово́й казны 4000 рублей серебряными копейками. Это пожертвование так было благовременно для Петра и он был так сильно тронут таким поступком

святителя, что немедленно прислал ему похвальную грамоту.

В это же время к торжественному спуску на воду корабля «Предестинация» (Божие предопределение) вызваны были Петром из Москвы в Воронеж Царевич Алексей Петрович, Царевна Наталия Алексеевна, знатные бояре с их женами и многие дамы и девицы немецкой слободы. 28-го апреля 1700 года «Предестинация» с великой церемонией была спущена на воду в присутствии московских гостей. Но это был, кажется, последний торжественный спуск кораблей в Воронеже при жизни святителя.

Из Воронежа Петр немедленно отправился в Москву, куда призывала его война со шведским королем Карлом XII; но и среди военных походов Петр не забывал о Воронеже и часто писал туда к Апраксину о построении судов и о военных делах.

После несчастной для русских битвы со шведами под Нарвой, Петр в конце 1700 года имел свидание со своим союзником, польским королем Августом в Биржах. Здесь было положено увеличить число кораблей и сухопутных войск, и для этого нужно было добывать деньги.

В марте из Москвы Петр отправился в Воронеж посмотреть на строившиеся там корабли, так нужные для войны. И здесь святитель Митрофан вторично сделал подаяние на адмиралтейство и снова награжден был царской похвальной грамотой, по содержанию сходной с первой. Святитель выдал на строение кораблей из домово́й своей казны 3000 рублей.

В Воронеже Государь провел праздник Пасхи. Как видно из записки вице-адмирала Крейца, в ночь под первый день Пасхи на кораблях палили из пушек и освещали корабли фонарями. Накануне праздника Государем был издан указ о торжественной встрече на кораблях светлого праздника: до полуночи корабли украшались флагами и вымпелами и везде по ним были поставлены фонари.

По освещении же кораблей в полночь, за час до благовеста в соборе к заутрене, начиналась пальба из пушек, сначала с корабля Его Царского Величества. А вице-адмирал Крейц должен был строго наблюдать за стрельбой с царского корабля и не стрелять (и другим не позволять) до тех пор, пока из корабля Его Царского Величества с нижней и верхней палубы выстрелят кругом, и после этого уже стрелять, сделав до 60 выстрелов.

После выстрелов из государева корабля производилась стрельба попеременно на всех кораблях и судах, стоявших вниз по реке. Выстрелы подразделялись на три приема: в первый производилась редкая стрельба с дворца и царского корабля, во второй, который был спустя четверть часа после 1-го, стрельба производилась и на всех других кораблях поочередно с небольшими промежутками, в третий (вероятно, пред самым благовестом к заутрене) выстрелили залпом из всех пушек. Стрельбою с царского корабля командовал Александр Данилович Меньшиков. Утреню на Пасху Государь изволил слушать в церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Как бы в награду за богатые пожертвования из бедной епархии Государь время от времени жертвовал святителю разные угодья, целые вотчины, и нередко без прошения со стороны Преосвященного. Так, кроме Боршевского Троицкого монастыря с угодьями (1682 г.), данного на содержание Архиерейского дома, впоследствии были пожертвованы святителю Карочунский монастырь, две мельницы и другие угодья вниз по Дону до пределов Белгородской митрополии, а 29 апреля 1699 года Государь дал грамоту, в которой изъяснял, что так как «Белгородская и Рязанская епархии не скудны, а Воронежская недостаточна, то приписать еще к Воронежской епархии от Рязанской города Усмань, да Острожки, Белоколог и Демшинск, а от Белгородской город Острогожск с уездами». Сверх того пожаловал в вотчину Воронежскому епископу село Мокрый Боерак с приселками.

И святитель царские щедроты принимал с благодарностью как залог благоволения к нему Помазанника Господня, но не прилагал своего сердца к богатству, употребляя его или на созидание и украшение храмов Божиих, или же жертвуя на нужды государственные. Так, кроме вышеуказанных пожертвований, святитель и впоследствии не раз жертвовал Государю келейные свои деньги: в 1702 году святитель пожертвовал 1000 рублей, а в 1703 также 1000 рублей. Однажды святитель, вручая Петру одно из своих пожертвований, сказал: «Всякий сын Отечества должен посвящать остатки от издержек своих казне государственной; прими

же Государь и от моих издержек оставшиеся сии деньги и употреби оные на войну против неверных».

И в предсмертном своем завещании святитель обнаружил свою крайнюю нестяжательность. Он пишет, чтобы после его смерти не обижали служивших при нем и не взыскивали ни с кого келейных его денег, ибо таковых у него нет.

Глава 7

ЗАВЕЩАНИЕ И БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА

Святитель Митрофан, предощущая в душе и в теле своем приближение смертного часа, приготовил обширное духовное завещание, «как бы души и телу моему сотворити плод», — писал он.

В начале завещания святитель исповедует пред всеми свою веру, кратко касается некоторых более важных событий в своей жизни (это единственный источник сведений о жизни святителя до его епископства). Остальная часть завещания, занимающего около 12 листов, состоит в увещаниях духовенства жить благочестно, свято и благочинно, в убеждениях судей и градоправителей судить суд праведный и нелицеприятный; святитель излагает мудрые правила жизни, основывающиеся на нерушимом сохранении веры и неуклонном следовании учению Православной Церкви.

«Прочее же мудрых мужей правило всякому человеку: употреби труд, храни умеренность — богат будешь. Воздержно пей, мало ешь — здрав будешь. Твори благо, бегай злаго — спасен бу-

дешь. Да пребывают же все православные христиане в благочестии праведно, в чистоте, в воздержании же и святости и покаянии. Ибо без веры правой угодить Богу невозможно, также и без Церкви Святой Восточной и светлого богопреданного ее учения невозможно никому спастись».

В заключение завещания он неоднократно обращается ко всем, и испрашивает себе прощения, и умоляет всех молиться за него ко Господу Богу: «Слезно прошу у всей Божией Церкви, и у священного собора, и у всего православного народа молитв святых, да молятся о душе моей ко Господу Богу и Пресвятой Деве Богородице Марии, да сотворит Бог милость бедствующей моей душе и простит согрешение мое и сподобит меня царствия небесного. Сотворите милость и последний мой долг заплатите ко Господу Богу молитвами своими в душевную мою пользу, помяните душу мою грешную, да и сами поминовены будете Господом Богом в день праведного Суда. Не презрите моего прощения, слезно молю и прошу последней вашей любви ко мне, грешному, не забудьте меня в молитвах своих, по апостолу: *молитесь друг за друга* (Иак. 5, 16)».

Но особенно трогательно прошение святителя относительно его сердечного предсмертного желания, свидетельствующего о его нелицемерном и непостижимом смирении: «Еще молю и прошу великим прощением: не презрите моего прощения, сподобите меня святого, и великого, и ангельского образа схимонашеского и, по пострижении во образ тот, положите во одеянии том по

чину схимонахов, как все святые греческие архиереи, и по образу и заветанию отца нашего архипастыря, Святейшего господина Иоакима, Патриарха Московского и всея России, ибо он заповедал о себе и нам образ предал; архиерейскими же ризами отнюдь не облачайте меня».

Сподобившись приять на смертном одре напутствие в жизнь вечную, святитель с несомненной надеждой на милосердие человеколюбивого Господа непрестанно молился Ему. Перед смертью святитель по собственному желанию и по примеру Патриарха Иоакима и других Преосвященных был пострижен в схиму и наречен Макарием, в честь преп. Макария Желтоводского, к которому святитель имел особенное усердие и любовь. Блаженная кончина избранника Божия, святителя Митрофана, в схиме Макария, последовала 23 ноября 1703 года. Ему было около 80 лет. Более двадцати из них он посвятил святительскому служению на Воронежской кафедре.

Из Воронежа немедленно сообщили в Москву Государю о кончине уважаемого им Воронежского архипастыря, и Петр вследствие этого донесения немедленно отправился в Воронеж для торжественного погребения святителя. В день погребения 4 декабря* в собор стеклись многие тысячи воздать последний долг почившему архипастырю, и сам Государь Петр Великий со всеми воински-

* Т. е. через 10 дней после смерти (такая задержка могла быть связана с ожиданием прибытия Царя для участия в погребении).

ми и морскими чиновниками и кораблестроителями благоволил быть у гроба преставившегося для участия в общественном молении о нем.

И здесь Государь показал редкий, яркий пример своего благоговейного уважения к добродетельному архипастырю. Когда знатнейшие лица духовные уже готовились выносить честное тело святителя из Архиерейского дома в храм, Монарх обратился к своей свите и сказал: «Стыдно нам будет, ежели мы не засвидетельствуем нашей благодарности сему пастырю отдаaniem ему последней чести. Итак, вынесем тело его сами». Сказав это, Государь первый взялся за гроб святителя и с первейшими военачальниками понес его в соборный храм. Погребение совершал архимандрит Акатова монастыря Никанор со всем городским духовенством.

После совершения Литургии Государь со своими помощниками отнес тело его в усыпальницу, устроенную по заветанию самого святителя под помостом придела Архистратига Михаила Благовещенского собора, построенного самим святителем, и по окончании погребения святителя Государь сказал во всеуслышание: «Не осталось у меня другого такого святого старца, ему же да будет вечная память».

Петр I уважал святителя Митрофана в частности и за то, что тот не был противником его реформ, хотя и не отличался школьной ученостью, присущей сторонникам перемен. Также святитель был близок Петру в усердном рдении о благе родной земли. В то время, когда другие архиереи

неблагодарно смотрели на нововведения Петра (например, учреждение Монастырского приказа, передачу управления архиерейскими вотчинами светским лицам и т. п.), по их мнению, разорявшие монастыри и Архиерейские дома, Воронежский епископ Митрофан благословлял намерения своего Монарха относительно заведения флота и убеждал народ всеми силами помогать Царю в его великом деле; мало того, святитель нередко приносил или пересылал Петру иногда последние свои деньги на войну с неверными или «на ратных».

Легко из этого понять, как должен был смотреть на такого архиерея Петр, не любивший жертвовать ни для кого и ничем из вновь вводимого им, изыскивавший всевозможные средства извлечения денег для успешнейшего выполнения своих предприятий. Понятно, что Петр, отнимая у других архиереев их вотчины, ограничивая их владения, Воронежскому архипастырю нередко жертвовал вотчины, распространял его епархию, так как видел, что святитель, строгий в жизни своей подвижник, по мере увеличения своих средств будет содействовать умножению государственных доходов.

Так как в домово́й архиерейской казне, как видно из завещания, денег не осталось, то сам Государь приказал из монастырского приказа выдать 700 рублей на поминовение души святителя, на служение сорокоуста и на милостыню. Поминовение святителя Митрофана совершалось по всей епархии в продолжение полугода, а в соборном приделе Архангела Михаила — в продолже-

ние всего года, согласно предсмертному прошению святителя.

Ежегодно в день памяти святителя было совершаемо торжественное поминовение, после которого в Архиерейском доме устраивалась трапеза для священнослужителей и для почитателей памяти почившего. Над местом погребения святителя сначала была поставлена тумба, на которой была надпись о месте и времени погребения святителя, но потом, вместо тумбы, над местом погребения была поставлена икона Божией Матери, под которой была надпись: «Здесь погребен Митрофан, 1-й епископ Воронежский».

В 1717 году мощи святителя Митрофана были обретены нетленными, возле них всегда происходили чудесные исцеления. Для всеобщего поклонения св. мощи угодника Божия Митрофана были открыты 7 августа 1832 года (и вновь мощи были обретены нетленными).

Память свт. Митрофана отмечается дважды в год: 7/20 августа (обретение мощей) и 23 ноября/6 декабря (блаженная кончина). Рака со св. мощами свт. Митрофана ныне пребывает в Воронежском Покровском кафедральном соборе.

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА!